

POLYSTORIA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

POLYSTORIA

Мария Корогодина
Правила Константинопольского
синода 1276 года

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2025

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4-9
К68

<https://elibrary.ru/gmrqer>

Серия основана в 2020 г.

Редакционный совет серии:

Михаил Бойцов (председатель), *Андрей Виноградов*, *Олег Воскобойников*,
Дмитрий Бовыкин, *Федор Успенский*, *Рустам Шукуров*

Дизайн серии: ABCdesign

Рекомендовано к печати

Ученым советом Библиотеки Российской академии наук

Рецензенты:

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра религии и церкви Церкви Института российской истории РАН
Елена Белякова;

кандидат исторических наук, доктор филологических наук,
профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ
Андрей Виноградов

В оформлении обложки использована миниатюра Лицевого летописного свода
(Остермановский первый том. БАН, 31.7.30/1. Л. 112 об.)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4117-3

ISBN 978-5-7598-4117-3 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4271-2 (e-book)

© Корогодина М.В., 2025

Содержание

9	Предисловие
11	Введение
16	Часть 1. Предыстория поездки в Константинополь
16	Архиерейские кафедры и митрополит Кирилл
31	Собор 1273 г. и нерешенные вопросы
32	Предисловие
34	1 статья. Поставление клириков
38	2 статья. Помазание маслом и миром во время крещения
40	3 статья. Праздничные бои
41	4 статья. Дьяконская проскомидия
42	5 статья. Пьянство в Пасхальный период
43	6 статья. Священнодействия непосвященных
45	Источники постановлений собора 1273 г.
50	Судьба правил Константинопольского синода: Византия и Русь
56	Епископ Сарайский Феогност
57	Рукоположение, 1269 г.
59	Собор во Владимире, 1273 г.
59	Синод в Константинополе, 1276 г.
60	Возвращение из Константинополя, 1279 г.
60	Происхождение епископа Феогноста
61	Пребывание в Сарае
62	Сколько раз епископ Феогност ездил в Константинополь?
63	Смерть епископа Феогноста
64	Часть 2. Древнерусские редакции правил Константинопольского синода 1276 г.
65	Старшая редакция: Кирилло-Белозерская
71	Редакция Пандектов Антиоха Черноризца
74	Мясниковская редакция

78	Архангельская редакция
83	Сокращенная редакция
85	Intitulatio: русский взгляд на византийских архиереев
90	Взаимоотношение редакций
94	Часть 3. Вымысел и реальность: комментарии к статьям
94	Datum
95	Intitulatio
101	1 статья. Чтение Евангелия архиереем
103	2 статья. Крещение детей
105	3 статья. Служба Великой пятницы
106	4 статья. Число агнцев на проскомидии
108	5 статья. Проскомидия при рукоположении священника
111	6 статья. Архиерейская служба без дьякона
112	7 статья. Соборная служба без дьякона
113	8 статья. Игуменское благословение
118	9 статья. Пострижение при смерти
121	10 статья. Пострижение архиерея в схиму епископом
123	11 статья. Литургия в Сыропустную седмицу
125	12 статья. Причащение епископа перед смертью
126	13 статья. Погребение архиерея в схиме
128	14 статья. Совершение проскомидии
130	15 статья. Епископ-схимник
133	16 статья. Игуменский отпуст на литургии
136	17 статья. Агнец, поеденный мышами
138	18 статья. Воздвижение креста
140	19 статья. Пост в среду и пятницу
144	20 статья. Вода и вино, не влитые в потир
146	21 статья. Перенесение «трапезы» (престола)
152	22 статья. Принятие в православие несториан и яковитов
157	23 статья. Крещение татар
159	24 статья. Крещение перед смертью дьяконом
161	25 статья. Предсмертное причащение и освящение кутьи дьяконом

164	26 статья. Употребление удавленины
166	27 статья. Епископские монастыри
173	28 статья. Вдова-прокурница
175	29 статья. Приготовление церковного вина
178	30 статья. Брак и степени духовного свойства
180	31 статья. Убийство священником на войне
181	32 статья. Запасные Дары
183	33 статья. Починка священных сосудов
185	Непереведенная статья
190	Corroboratio et Datum
193	Часть 4. Перевод правил Константинопольского синода: отвергнутый современниками, преображенный потомками
193	Статьи греческого и древнерусского происхождения
196	Перевод правил Константинопольского синода
201	Дополнительные статьи русских редакций
202	Редакция Пандектов, статья 26. Время крещения
203	Мясниковская редакция, статьи 10–11. Причащение обморочных
205	Мясниковская редакция, статьи 12–14. Погребение и поминование самоубийц
206	Мясниковская редакция, статья 15. Замена епитимьи службами
207	Мясниковская редакция, статья 16. Очищение оскверненного сосуда
209	Мясниковская редакция, статья 17. Паломничество в Иерусалим
210	Архангельская редакция, статья 7. Освящение церкви без дьякона
211	Архангельская редакция, статья 33. Пост в Богородичные праздники
213	Митрополит Киприан и правила Константинопольского синода
219	Заключение

224	Приложения. Издание правил Константинопольского синода 1276 г.
224	Правила издания
225	Условные обозначения списков
227	Греческий текст
236	Кирилло-Белозерская редакция
254	Погодинский извод Кирилло-Белозерской редакции
256	Редакция Пандектов Антиоха Черноризца
259	Мясниковская редакция
273	Луцкий извод Мясниковской редакции
276	Архангельская редакция
284	Выписка Даниила Битюговского
286	Сокращенная редакция
289	Библиография
318	Указатель имен
328	Указатель топонимов
331	Указатель шифров
335	Список сокращений
337	Об авторе
338	Contents

Предисловие

Исследование постановлений Константинопольского синода 1276 г. является частью целостного изучения канонического права на Руси и тех изменений, которые претерпевало богослужение и административное устройство Русской церкви в XIII–XIV вв. Изучение этого памятника было начато более ста лет назад замечательным знатоком истории русского богослужения и церковного права Алексеем Степановичем Павловым (1832–1898), который открыл многие неизвестные ранее рукописи и разыскал греческие источники ряда русских богослужебных и юридических сочинений. Трудом А.С. Павлова был подготовлен к изданию 6-й том «Русской исторической библиотеки» (1880), в который вошел наиболее полный свод посланий и постановлений, связанных с Киевской митрополией до XVI в. и принадлежащих русским и греческим иерархам. Этим изданием современные исследователи продолжают пользоваться до сих пор, поскольку со времен А.С. Павлова многие опубликованные им тексты не удостоились ни нового критического издания, ни специального исследования. До недавнего времени такой же была судьба постановлений Константинопольского синода 1276 г., относительно которых наиболее значимые выводы были сделаны А.С. Павловым в краткой аннотации к 6-му тому «Русской исторической библиотеки». Это заставляет меня посвятить данную книгу памяти А.С. Павлова, русского историка и канониста.

Некоторые наблюдения, ставшие ключевыми для данной темы, были опубликованы в виде статей в ходе работы над исследованием. В книге они представлены в отчасти переработанном виде. Привлечение рукописных материалов, хранящихся в разных городах, было бы невозможным без сотрудничества с А.В. Дорониным и Т.И. Афанасьевой в рамках возглавлявшихся ими проектов. Исследование, требовавшее знаний из таких областей, которыми ранее мне не приходилось заниматься, не могло быть проведено без помощи многих друзей и коллег, отвечавших на мои вопросы и исправлявших ошибки, помогавших найти копии недоступных мне рукописей и снабжавших

необходимой литературой. Бесценную помощь в поиске греческих списков мне оказали Ежи Остапчук (Варшава) и Николаос Хрисидис (Нью-Хейвен), а в работе с греческим текстом — З.Е. Оборнева. Большое значение для исследования имело обсуждение в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). Особую благодарность я испытываю к рецензентам: Е.В. Беляковой и А.Ю. Виноградову, советы и критика которых помогли мне более ясно сформулировать свою позицию или исправить погрешности. Отдельная благодарность моим коллегам в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук за поддержку, терпение и помощь в завершении работы.

Введение

История церковного права на Руси неизменно привлекает пристальное внимание исследователей. Основным масштабным сводом церковных и светских постановлений являлась Кормчая книга, появление которой в русских землях следует общим тенденциям книжной культуры в *Slavia Orthodoxa*, предполагавшим не прямую правовую зависимость от Византийской матери-церкви Русской митрополии, а опосредованное следование византийским правовым нормам, распространявшимся на всю территорию православной ойкумены. При этом Кормчие книги включали значительное число текстов, не связанных с русской действительностью, что заставляло воспринимать весь свод в качестве компендиума, описывающего идеальную структуру и систему управления православной церковью и государством, а не в качестве практического руководства к совершению церковного и гражданского суда [Корогодина, 2017а, т. 1, с. 535–537].

Наиболее насущные и животрепещущие вопросы, неизбежно встававшие перед русским духовенством, нередко решались не с помощью объемной и трудной для понимания Кормчей книги, а через личное обращение к знающим и заслуживающим доверия иерархам. Именно это привело к появлению ряда «вопрошаний» — текстов, включавших ответы архиереев на задаваемые им вопросы и восходящих к византийско-славянской традиции «вопросоответов». В некоторых случаях в тексте сохранялись только ответы, без вопросов, однако первоначальная структура «вопрошания» все равно прослеживается. К этому жанру относятся ответы митрополита Киевского Иоанна II; «Вопрошание Кириково»; постановление епископа Новгородского Ильи и Белгородского епископа; правила митрополита Киевского Георгия; ответы митрополита Киприана на вопросы игумена Афанасия [РИБ, т. 6, стб. 1–62, 75–78, 244–270; Турилов, 2004; Баранкова, 2012]. Эротопокритический жанр позволял найти решения для тех ситуаций, которые не рассматривались в имевшихся на Руси книгах. Поднимавшиеся в таких текстах вопросы непосредственно касались специфики русской действительности и наиболее живо отражали реалии русской

жизни, в отличие от переводных постановлений Кормчей книги, опиравшейся на реалии далекого региона и иной эпохи, что неизменно создавало сложности для русских иерархов. В перечисленных выше сочинениях, за редкими исключениями, вопросы и ответы исходят из одной языковой и культурной среды, так что вопрошающий и отвечающий понимают друг друга наиболее точно.

Вопросы, задававшиеся авторитетным архиереям, касались не только церковного права, но богослужения и повседневной жизни мирян, иночествующих и клириков, то есть тех ситуаций, которые не описывались в богослужебных книгах, содержащих лишь краткие уставные указания. Сведения о том, как именно должно совершаться богослужебное последование в тот или иной день, какую роль при этом выполняет каждый участник богослужения, как поступать в сложной ситуации, передавались из уст в уста при обучении клира. Без сомнения, устная традиция, хранителем которой выступал архиерей, имела во многом решающее значение в домонгольский период: обстоятельства совершения исповеди или хиротонии и иных таинств и последований, в том числе задававшиеся во время совершения обряда вопросы и произносимые наставления и обеты — все это не было описано в богослужебных книгах и, очевидно, оставлялось на усмотрение священника или архиерея. Стремление зафиксировать решения по конкретным вопросам позволяло в некоторой степени сократить разнообразие церковных практик. С другой стороны, подобные ответы, при всей авторитетности архиерея, высказывавшего свое мнение по тому или иному поводу, все же не расценивались как непогрешимые, что позволяло со временем возвращаться к разбору сложной ситуации.

С жанром «вопрошаний» сближаются постановления соборов, отвечавших на вопросы русских иерархов: Владимирского (1273) и Константинопольского (1276). Падение Константинополя в 1204 г. отозвалось в славянских землях неожиданным образом. Упадок, в который пришел Константинопольский патриархат, вынужденный на десятилетия переместиться в Никею, лавирование между политическими интересами разных государей, борьба с надвигающейся унией с Римом, а потом ее принятие, — все это способствовало усилению самостоятельности славянских церквей, находившихся на окраинах

византийского мира. Несмотря на сопротивление Константинополя, переживавшего тяжелейшие времена, в конце XII в. от Охридской архиепископии отделилась Тырновская епископия, а в начале XIII столетия образовалась Сербская архиепископия, независимая от Константинополя. Это привело к бурному росту церковного строительства в славянских землях, одним из результатов которого стал перевод в Сербии византийского канонического сборника с толкованиями, получившего название «Законоправило» [Троицки, 1952; Щапов, 1978].

Нашествие Орды на русские земли в середине и второй половине XIII в. привело к серьезным проблемам в управлении Русской церковью. Степень разорения была далеко не однородной, и церковная жизнь не замерла в Северо-Восточной Руси. Однако в результате нашествия многие священники погибли, а церкви были разорены: одни сожжены, другие осквернены. Даже если храм уцелел, без повторного освящения в нем нельзя было служить. Освящение храма относится к наиболее торжественным церемониям, часто приурочивавшимся к церковным праздникам, и сопровождается перенесением святынь [Лаушкин, 2023]. Такое освящение могло быть совершено самим епископом, возглавлявшим данную епархию, или священником по благословению епархиального архиерея. Без особого разрешения епископ из соседней епархии не имел права освящать новую или старую оскверненную церковь, как и рукополагать иереев не в своей епархии. Между тем из-за исчезновения большинства архиереев многие епархии оказались в безвыходной ситуации: без епископа некому было освятить церковь и рукоположить священника.

Помимо прочих бедствий, которые повлекло за собой монгольское нашествие, исчезновение архиереев означало, что не осталось никого, кто мог бы ответить на вопросы, не рассмотренные в книгах, в деталях научить и объяснить, как совершаются те или иные действия, как служат по особым праздникам. Не осталось тех, кто мог бы обеспечить возобновляемость церковной традиции. Можно полагать, что именно по этой причине наиболее сложные вопросы в разгар монгольского нашествия пытались решить не привычным способом — вопрошая одного наиболее авторитетного иерарха, а коллегиально, по крупицам собирая то знание, которое было растеряно в огне войны. Архиереи надеялись соборно решить некоторые вопросы, ответы на

которые отсутствовали в книгах. Те вопросы, которые не могли решить русские епископы, были поставлены перед Константинопольским синодом; как будет видно далее, на рассмотрение греческих иерархов были представлены в том числе некоторые спорные ситуации, решение по которым уже было вынесено во Владимире несколькими годами раньше.

После разгрома Батыем Киева во главе митрополии встал митрополит Кирилл II. Его положение в Русской церкви было особым, поскольку он стал единственным для XIII в. митрополитом русского происхождения, знакомым и с хитросплетениями княжеской политики, и с проблемами церковного управления. Его предшественник, митрополит-грек Иосиф исчез в 1240 г. во время разорения монголами Киева; погиб ли он или бежал, но Киевская митрополия осталась без главы. В это же время овдовел Константинопольский патриархат, пребывавший в Никее и переживавший тяжелые времена. В переговорах о церковной унии между Римским престолом и Константинопольским патриархатом, начавшихся в 1230-х годах, активное участие принимали как некоторые русские князья, так и русский архиепископ Петр, который, по мнению А.В. Майрова, был ставленником владимирского князя Ярослава Всеволодовича и претендовал на митрополичью кафедру после исчезновения митрополита Иосифа. Так, фактическим главой Киевской митрополии архиепископ Петр воспринимался в 1245 г. в Лионе на переговорах о церковной унии [Майоров, 2019б]. Однако патриарший престол пустовал до 1244 г., поэтому долгое время новый Киевский митрополит не мог быть рукоположен, и вопрос о будущем главе митрополии оставался открытым.

Соперником архиепископа Петра стал Кирилл, печатник волынского князя Даниила Романовича, хиротонисанный на Киевскую митрополию в конце 1246 г. [Майоров, 2019а, с. 139–140] и остававшийся главой Русской церкви на протяжении 35 лет. Уроженец галицко-волинских земель, ставленник волинских князей, в качестве митрополита Кирилл, насколько известно из летописных известий, мало внимания уделял западным епархиям. Его деятельность в наибольшей степени была связана с Северо-Восточной Русью и с важнейшими проблемами Русской церкви: созданием новых епархий на востоке митрополии, реформированием богослужения и церковного управления.

В 1262 г. митрополит Кирилл обратился с просьбой к видинскому деспоту Иакову-Святославу с просьбой прислать список неизвестного на Руси канонического сборника — и получил «Законоправило», или Сербскую редакцию Кормчей книги [Шапов, 1978, с. 146–152; Корогодина, 2020б; 2024]. Знание славянской книжности и понимание особенностей местной церкви позволило митрополиту Кириллу начать работу по подготовке русской редакции Кормчей книги, в которую вошли тексты из новоприсланного «Законоправила» и предшествующей Древнеславянской редакции Кормчей, а также целый ряд древнерусских памятников [Корогодина, 2017а, т. 1, с. 65–79].

Наряду с постановлениями вселенских и поместных соборов и правилами святых отцов в Кормчую книгу были включены правила собора, состоявшегося в 1273 г. и созванного самим митрополитом Кириллом. Это редчайший для славянской истории случай, когда современные составителю (и им самим созданные) постановления были включены в наиболее авторитетный для церковного управления сборник [Korogodina, 2024]. Это позволило в значительной мере приблизить Кормчую книгу к современности и русской действительности и поставить в один ряд со вселенскими соборами решения русских архиереев во Владимире. Очевидно, недавно рукоположенные митрополитом Кириллом епископы в условиях прервавшейся церковной преемственности не смогли ответить на многие насущные вопросы, и для их решения было отправлено посольство в Константинополь во главе с епископом Сарайским Феогностом. Представленные им митрополиту Кириллу ответы Константинопольского синода, продолжавшие привычный жанр «вопрошаний», как можно ожидать, должны были быть немедленно включены в Кормчую книгу. Однако этого не произошло. Постановления Константинопольского синода, как будет показано далее, были оставлены митрополитом Кириллом и русскими архиереями без внимания и переведены лишь спустя десятилетия. Почему решения Константинопольского синода, полученные с таким трудом, оказались невостребованными в XIII в. и какое значение они приобрели в Русской церкви спустя столетие — на эти вопросы я попытаюсь ответить в настоящей книге.

Предыстория поездки в Константинополь

Архиерейские кафедры и митрополит Кирилл

Самой сложной и неотложной проблемой для митрополита Кирилла были вдовствующие (то есть пребывавшие без архиерея) кафедры и управление митрополией в условиях предельно малого числа архиереев [Корогодина, 2020а]. Перед началом Батыева нашествия в Киевской митрополии насчитывалось 15 епископских кафедр [Поппэ, 1996]. После 1241 г. действующими осталось всего три, причем одна из них — Владимиро-Волынская — располагалась на западных окраинах и в дальнейшем почти не участвовала в событиях, происходивших в центральной и восточной части Киевской митрополии, где уцелело две кафедры: в Новгороде, до которого не дошли татары, остался архиепископ Спиридон; в Ростове выжил епископ Кирилл II, который в самые тяжелые дни Батыева нашествия находился в Белоозере. Все остальные архиереи погибли или пропали без вести. Были убиты Владимирский епископ Митрофан в 1237 г., епископ Переяславля Русского Симеон в 1239 г., Галицкий епископ Арсений в 1240 г., спустя год погиб Перемышльский епископ. Неизвестной осталась судьба митрополита Киевского Иосифа, убитого или бежавшего в Никею; епископа Черниговского Порфирия, которого в 1239 г. татары живым увели в город Глухов [ПСРЛ, т. 1, с. 469; т. 2, с. 782]¹; Рязанского епископа Евфросина, которого при нападении татар не было в городе²; Смоленского епископа Иоанна (?) [Щапов, 1989, с. 212; Печников, 2016]. После набегов татар не упоминается ни один из этих архиереев. Многие епископские кафедры прекратили свою деятельность или пустовали десятилетиями; так, в Рязанской епархии епископа не было без малого 50 лет, до 1284 г.

¹ В Ипатьевской летописи известие находится под 6745 (1237) г.

² В Симеоновской и Лаврентьевской летописи по Академическому списку: «Епископа же ублюде Бог, отъѣха прочь в тои год, егда рать оступила град» [ПСРЛ, т. 18, с. 55; т. 1, с. 515].

Это привело к нарушению всего строя церковной жизни. Два оставшихся в живых епископа не могли восстановить церковный обиход в соседних епархиях не только потому, что это было бы им не под силу, но и из-за канонических запретов: они не могли освящать церкви и рукополагать священников на соседней территории³ и не могли поставить новых епископов, взамен погибших, поскольку для этого требовалось участие по крайней мере трех архиереев, включая митрополита⁴.

В первое время после нашествия татар ведущую роль в центральных северо-восточных землях, ростовской и владимирской, играл епископ Ростовский Кирилл II. Формально его управление Владимирской епархией вступало в противоречие с церковными канонами, но фактически ситуация была безвыходной: митрополита долгое время не было, а после возвращения из Никеи около 1247 г. митрополит Кирилл несколько лет оставался в Киеве. Епископ Ростовский Кирилл управлял Владимирской епархией более 10 лет до того, как митрополит Кирилл с 6758 (1250) г. стал подолгу жить во Владимире и оттуда управлять епархией. Возможно, легкость, с которой Ростовский епископ расширил границы своей области, связана с тем, что в XII и начале XIII в. владимирские земли входили в Ростовскую епархию; при этом Владимир являлся местом постоянного пребывания Ростовских архиереев, так что Успенский собор приобрел статус кафедрального. Владимирская епископия была выделена из Ростовской епархии всего за четверть столетия до нашествия Орды, в 6722 (1214) г. [ПСРЛ, т. 1, с. 438]⁵. Во Владимире успело побывать только два епископа: Симон и убитый татарами Митрофан. Память о единстве Ростовской епископии, несомненно, сохранялась. Кирилл мог полагать, что он не вторгается в чужую епархию, как это выглядело с точки зрения церковного права, а окормляет земли, искони входившие в канонические пределы Ростовской епископии.

Одно из первых действий, предпринятых епископом Ростовским Кириллом после сожжения татарами Успенского собора во

³ Ап. 14; Анк. 18; Антиох. 13 и 22 [Бенешевич, 1906, с. 64, 235, 258–259, 263].

⁴ Ап. 1 [Там же, с. 62].

⁵ Ю.А. Артамонов относит разделение Ростовской и Владимирской епархий к 1213 г. [Артамонов, 2021].

Владимире, было «великое священство» Борисоглебской церкви в Кидекше. По нашему предположению, чин «великого священства» использовался для кафедральных соборов и церквей, в которых предполагалось архиерейское служение. Вероятно, Кирилл допускал, что Кидекша может стать епископской резиденцией, которая не будет столь привлекать татар, как находящиеся поблизости богатые Владимир и Суздаль [Корогодина, 2021б].

Однако воссоединения Владимирской епархии с Ростовской так и не произошло. Епископ Ростовский Кирилл действовал во Владимир-Суздальской земле вплоть до приезда во Владимир митрополита Кирилла II в 1250 г.; с этой поры деятельность епископа Кирилла ограничилась пределами Ростовской епархии. Летописи сохранили немало известий о совместных действиях двух Кириллов: епископа Ростовского и митрополита после приезда последнего в северо-восточные земли. Положение изменилось с поставлением епископа Ростовского Игнатия, взошедшего на кафедру в 1262 г. Судя по отсутствию известий о совместных поездках и священнодействиях епископа Ростовского Игнатия и митрополита Кирилла, частых при епископе Кирилле, у нового Ростовского владыки не сложилось столь близких отношений с митрополитом, как у его предшественника. Возобновление Владимирской епископии в 1273 г. также говорит о том, что, по мнению митрополита, Ростовская епархия вовсе не вернулась к прежним границам начала XIII в.

Наконец, на сложности, возникавшие у митрополита Кирилла с епископом Ростовским Игнатием, возглавлявшим кафедру в одном из важнейших с политической точки зрения княжеств, указывает острый конфликт между ними в 1280 г., в результате которого митрополит Кирилл чуть не лишил сана епископа впервые за сорок лет архипастырства. Летописи подробно описывают конфликт, рассказывая о доносе митрополиту на Игнатия, будто бы осудившего ростовского князя Глеба Васильковича за некие прегрешения, из-за которых епископ велел перенести прах усопшего из княжеского некрополя в кафедральном Успенском соборе в Спасо-Песочный княгинин монастырь, где была похоронена мать Глеба Васильковича Мария Михайловна [ПСРЛ, т. 18, с. 77; т. 20, с. 169; т. 23, с. 91; т. 30, с. 96; и др.]. С.В. Городилин связывает произошедшее с династической борьбой за Ростовское

княжение между наследниками князей Бориса и Глеба Васильковичей [Городилин, 2021], однако передел наследства не объясняет резкой реакции митрополита Кирилла.

Возможно, гнев митрополита был вызван не только противозаконным судом над покойным и переносом праха князя, но и вызывающей роскошью, с которой епископ Игнатий украсил ростовский собор, пострадавший от татар. Симеоновская летопись сохранила восемь известий о совершенных Игнатием княжеских венчаниях, пострижениях или погребениях с 1265 по 1278 г.⁶ Такая близость к князьям, несомненно, приносила Ростовскому епископскому дому определенный доход. В том, что Игнатий брал у покойного князя Глеба Васильковича «дары», его упрекал митрополит Кирилл. Именно после смерти этого князя начался ремонт Успенского собора в Ростове. Ремонтные работы были закончены перед самым приездом митрополита; собор получил новые купола и кровлю, покрытые свинцом («оловом»), и полы, мощенные майоликовыми плитками («красным мрамором») [ПСРЛ, т. 18, с. 77; т. 20, с. 168]. В землях, где церкви помнили разорение Батыем, где положение оставалось столь тяжелым, что не было возможности заново их украшать, восстановленный собор должен был производить неизгладимое впечатление. Не только простые храмы — даже митрополичий Успенский собор во Владимире по-прежнему стоял обгоревший. Блеск и богатство ростовского собора наглядно показывали всем, где находится политический и духовный центр русских княжеств.

Было ли истинной причиной митрополичьего гнева перезахоронение князя Глеба Васильковича или неподобающее величие ростовского собора, который начинал претендовать на то, чтобы занять главенствующее место среди окрестных княжеств, однако одновременно с отлучением епископа Игнатия митрополит велел покрыть кровлю владимирского Успенского собора так же, как и ростовского [Там же,

⁶ 6773 (1265) г. — венчание Василия Ярославича в Костроме [ПСРЛ, т. 18, с. 72]; 6777 (1269) г. — пострижение в схиму Дмитрия Ярославича [Там же, с. 73]; 6779 (1271) г. — погребение в Спасо-Песочном княгинином монастыре в Ростове Марии Михайловны, жены Василька Константиновича [Там же, с. 74]; 6781 (1273) г. — пострижение и погребение жены Глеба Васильковича в Ростове [Там же]; 6784 (1276) г. — погребение Василия Ярославича в Костроме [Там же, с. 75]; 6785 (1277) г. — погребение Бориса Васильковича в Ростове [Там же]; 6786 (1278) г. — венчание Михаила Глебовича в Ярославле [Там же, с. 76]; 6786 (1278) г. — погребение Глеба Васильковича в Ростове [Там же].

т. 43, с. 101]. К аналогичному выводу о том, что митрополит Кирилл начал ремонт владимирского Успенского собора «под впечатлением» от обновленного ростовского храма, пришел А.В. Лаврентьев [Лаврентьев, 2018, с. 185].

На протяжении более 20 лет летописи фиксируют пребывание митрополита Кирилла только в Северо-Восточной Руси с выездами в Новгород⁷. Конечно, ростовские и новгородские летописцы описывали преимущественно действия митрополита в близких им землях, поэтому мы хуже знаем киевские события. Однако летописцы тщательно фиксировали приезды митрополита, и это позволяет предполагать, что в 1250–1270-х годах митрополит Кирилл чрезвычайно редко бывал в Киеве. Первый раз летопись упоминает, что митрополит находился в Киеве, в 1273 г., когда он приехал оттуда во Владимир для хиротонии бывшего Киево-Печерского игумена Серапиона и для участия в архиепископском соборе [ПСРЛ, т. 18, с. 74]. Последние годы жизни митрополит Кирилл провел между Киевом и Владимиро-Ростовскими землями; возможно, в 1273–1280 гг. он ограничивался краткими посещениями северо-восточных княжеств⁸.

Пребывание в северо-восточных землях в 1250–1270-х годах позволяло митрополиту длительное время самому решать насущные вопросы, связанные с регулированием церковной жизни в регионе, где

⁷ 6758 (1250) г. — приезд в суздальскую землю и венчание Андрея Ярославича во Владимире вместе с епископом Ростовским Кириллом [ПСРЛ, т. 1, с. 472]; 6759 (1251) г. — приезд в Новгород и хиротония архиепископа Далмата вместе с епископом Ростовским Кириллом [Там же]; 6760 (1252) г. — встреча Александра Ярославича во Владимире [Там же, с. 473]; 6763 (1255) г. — погребение Константина Ярославича во Владимире [Там же, с. 474]; 6769 (1261) г. — пребывание в Ростове вместе с епископом Кириллом, хиротония епископа Сарайского Митрофана [Там же, с. 476; т. 20, с. 164]; 6770 (1262) г. — хиротония епископа Ростовского Игнатия [Там же, т. 1, с. 477; т. 20, с. 164]; 6771 (1263) г. — погребение во Владимире Александра Ярославича [Там же, с. 165; т. 23, с. 85–86]; 6777 (1269) г. — хиротония епископа Переяславля Русского и Сарая Феогноста [Там же, т. 18, с. 73; т. 20, с. 166]; 6778 (1270) г. — посылка грамоты из Владимира в Новгород [Там же, т. 20, с. 167; т. 23, с. 88].

⁸ После собора 1273 г. митрополит уехал в Киев, где рукоположил епископа Новгородского Климента в 6784 (1276) г. [НЛД, с. 323; ПСРЛ, т. 18, с. 75; т. 43, с. 100 (6782 г.)]; в том же году приехал во Владимир и хиротонисал епископа Владимирского Феодора в 6784 (1276) г. [ПСРЛ, т. 18, с. 75], после чего вернулся в Киев. В 6788 (1280) г. митрополит снова приехал в Ростов и Владимир и в декабре 6788 (1280) г., после проведения церковного собора, умер в Переяславле Залеском [Там же, с. 77; т. 20, с. 169; т. 43, с. 101 (6789 г.); НЛД, с. 324 (6789 г.)].

осталось только два епископа. После смерти епископа Новгородского Спиридона митрополит Кирилл рукоположил в Новгороде в 1251 г. во епископы Далмата [Артамонов, 2021, с. 173], а после смерти епископа Ростовского Кирилла — Игнатия в 1262 г. [ПСРЛ, т. 1, с. 472, 476–477; т. 43, с. 96]; однако долгое время митрополит не делал попыток поставить новых епископов на вдовствующие кафедры. Был ли митрополит Кирилл погружен в решение иных насущных проблем, или не находил подходящих кандидатур для епископства, однако в течение 11 лет после того, как митрополит обосновался во Владимире, он не увеличивал число архиереев. Возможно, отчасти это объяснялось тем, что в действующей епархии кандидат (один или несколько, как в Новгороде) готовился постепенно, и выбор определялся еще при жизни предшественника. Так произошло перед смертью епископа Ростовского Кирилла, когда был выбран его преемник Игнатий, который перешел жить на епископский двор [Там же, т. 1, с. 475–476]. Подготовка преемника была особенно важна, учитывая, что решение многих богослужебных и канонических вопросов не было зафиксировано в книгах, но передавалось действующим архиереем как устная традиция [Korogodina, 2020]. Намного труднее было подготовить ставленника для вдовствующей и запустевшей епархии, поскольку в этом случае некому было учить будущего архиерея.

Первый архиерей вне Новгородской и Ростовской кафедры, где преемственность не прерывалась, был поставлен митрополитом Кириллом в 1261 г., причем это было связано не с восстановлением одной из прежних епархий, а с учреждением новой, Сарайской епископии. Очевидно, в условиях постоянных набегов монголов, необходимости платить дань и ездить в ставку хана, предстояние архиерея в Сарая имело большое значение. В 6769 (1261) г. митрополит рукоположил Митрофана епископом в Сарай. Он пробыл на епископии восемь лет и сошел с кафедры, приняв схиму в 6777 (1269) г. [ПСРЛ, т. 1, с. 476; т. 20, с. 164]. О происхождении этого архиерея, его деятельности и месте упокоения нет достоверных сведений [Кузьмин, 2017]; однако именно в годы его епископства, в 1267 г., хан Менгу-Тимур выдал льготную и тарханную грамоту русскому духовенству и монашеству [РФА, 1987, с. 588–589, № 6]. Несомненно, расположение хана во многом зависело

от контактов с Сарайским епископом, который должен был представлять Русскую церковь в ставке хана.

Открытие новой кафедры в Сарае, необходимой для взаимодействия с ордынскими ханами, вызывает у исследователей ряд вопросов. Согласно правилам Лаод. 56 и Сард. 7, митрополит мог по своему усмотрению учредить новую епископию, если город, в котором основывалась кафедра, был достаточно крупным [Бенешевич, 1906, с. 277–278, 284–285]. При этом епархия должна была быть утверждена Константинопольским патриархом и императором, после чего она занимала свое место в структуре церкви и впоследствии включалась в *нотиции* (*notitiae episcopatum*) — перечень епископий, подчинявшихся патриархату [Бибииков, 2004, с. 403–405]. Некоторые из сохранившихся нотий перечисляют епископии, входившие в Киевскую митрополию, однако на XIII и начало XIV в. приходится большая лакуна: после нотиции конца XII в. следующий перечень епископий сохранился только в документе, написанном после смерти Андроника II Палеолога (ум. 1328) [Darrouzès, 1981, p. 367 (Notitia 13: 759–770), p. 403 (Notitia 17: 136–157)]. В добавлениях к последней нотиции, которые К. Цукерман относит к 1347 г. [Цукерман, 2014, с. 149–151], названы две новые епископии, появившиеся благодаря митрополиту Кириллу: Сарайская и Тверская [Darrouzès, 1981, p. 403 (Notitia 17: 147, 148)]. Когда они были утверждены Константинопольским патриархом, неизвестно. Очевидно, могло пройти несколько лет, прежде чем у митрополита появилась возможность отправить патриарху послание с просьбой утвердить новые кафедры. В этот промежуток времени новая епархия могла существовать *de facto*, но *de jure* рукополагать на кафедру до утверждения ее Константинопольским патриархом и императором было нельзя.

Каким же образом был поставлен епископ Митрофан? Трудно представить, чтобы митрополит Кирилл смог организовать посольство в Никею с просьбой утвердить Сарайскую кафедру на рубеже 50–60-х годов XIII в.⁹, при том что о подобном посольстве не сохранилось никаких упоминаний ни в греческих, ни в русских источниках. Остается допустить, что либо митрополит пошел на прямое нарушение

⁹ Константинопольская патриархия, как и двор византийского императора, пребывала в Никее со взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. до освобождения города в 1261 г.

канонов, хиротонисав Митрофана на открытую им самим и не утвержденную епископию, либо при хиротонии была названа иная, вдовствующая кафедра, а в действительности Митрофану было поручено управлять делами в Золотой Орде. Грубое нарушение церковных правил со стороны митрополита кажется маловероятным. Б.А. Успенский предположил, что Митрофан был поставлен одновременно епископом Переяславлю Русскому и Сарая [Успенский, 1998, с. 339], как это позже произошло с епископом Феогностом. Это предположение остается гипотетическим, поскольку все летописные статьи называют Митрофана только епископом Сарайским; хотя поставление на захиревшую кафедру для решения насущных проблем, обусловленных смещением центра политической жизни, является наиболее вероятным.

Возможно, именно с этим промежуточным периодом между основанием кафедры, необходимой для нужд церкви, и ее утверждением патриархом и императором, связана необычная титулатура двух епископов последней трети XIII в.: Феогноста, преемника Сарайского епископа Митрофана, и Тверского епископа Симеона. Время хиротонии Симеона неизвестно; он упоминается впервые под 6779 (1271) г. без указания кафедры. Согласно летописному известию, в этом году, возвращаясь из поездки в Орду, умер великий князь Ярослав Ярославич; Симеон сопровождал его тело в Тверь, где и совершил погребение [ПСРЛ, т. 18, с. 74; Приселков, 2002, с. 331]. Неизвестно, ездил ли Симеон к хану вместе с тверским князем или присоединился к похоронному кортежу по пути. Его дальнейшая жизнь была связана с Тверью, где ранее не было епископии. В 6793 (1285) г. он начал строительство каменного кафедрального Преображенского собора, поставленного на месте предшествующей церкви Козьмы и Дамиана, в которой располагался некрополь тверских князей [ПСРЛ, т. 18, с. 81; т. 20, с. 170; т. 23, с. 93; т. 24, с. 105; т. 25, с. 156]. Епископ Симеон умер в 6796 (1288) г. в Твери и был погребен в построенном им Преображенском соборе [Там же, т. 18, с. 81–82]. Симеон стал первым епископом в Твери [Там же, т. 18, с. 23; т. 24, с. 105]; появился ли он там до смерти великого князя Ярослава Ярославича или прибыл вместе с телом князя, остается неизвестным.

Таким образом, спустя десять лет после Сарайской епархии, около 1271 г., митрополит Кирилл основал еще одну епископию,

Тверскую¹⁰. Однако, как и Сарайская, эта необходимая для Северо-Восточной Руси кафедра должна была быть утверждена патриархом и императором прежде, чем поставлять на нее архиерея. По этой причине местом хиротонии Симеона была не Тверская кафедра. В перечне епископов Симеоновская летопись называет его «епископом из Полотска» [ПСРЛ, т. 18, с. 23]; также Симеон назван Полоцким епископом в правилах собора 1273 г. [РИБ, т. 6, стб. 83–84]. Собор состоялся спустя два года после появления в Твери епископа Симеона с печальной процессией; однако Тверь не упоминается в постановлениях собора — как и Сарай, поскольку Феогност назван Переяславским епископом. Титулатура архиереев в правилах собора имела большое значение: она показывала, на какую кафедру официально возведен епископ, хотя на деле он мог быть уже перемещен и заниматься делами иной епархии. Наконец, именно такое распределение действующих епископий свидетельствовало о том, что собор проведен архиереями всей Киевской митрополии. Несмотря на отсутствие западных епископов, здесь была представлена центральная и северная часть митрополии: Переяславль Русский, Полоцк, Великий Новгород, Ростов. Это выглядело более представительно, чем если бы все перечисленные в *intitulatio* архиереи относились к северному и восточному региону: Новгород, Тверь, Ростов, Сарай. Возможно, необходимость сохранять архиереев на всей территории Киевской митрополии была одной из причин поддержки митрополитом Кириллом епископий, ставших титулярными.

На связь Симеона с Полоцким княжеством указывает также редкое не летописное сочинение — «Наказание Симеона», старший список которого находится в Мериле праведном¹¹. Памятник повествует об устроенном полоцким князем Константином Безруким пире, во время которого епископ Симеон резко возразил князю, осудив его жестокость и равнодушие к судьбам подвластных людей. Как было показано ранее, текст был записан кем-то из современников Симеона,

¹⁰ Тверская епархия внесена в перечни епископий Киевской митрополии, составленные в Константинопольской патриархии около 1347 г. [Цукерман, 2014, с. 150–151]; следовательно, к этому времени она уже получила официальный статус в Константинополе [Darrouzès, 1981, p. 403 (Notitia 17: 147)].

¹¹ РГБ, ф. 304.1 (Троице-Сергиевой Лавры), № 15, л. 63 об. — 64 об. [Тихомиров, 1961б, с. 128–130].

возможно, после его смерти [Корогодина, 2017а, т. 1, с. 91–93]. Отсылка к событиям, описанным в «Наказании», находится в летописной похвале епископу Симеону: «князя не стыдятся пряся, ни велмож» [ПСРЛ, т. 18, с. 82], что подтверждает аутентичность происхождения. Несмотря на то что история разворачивалась в доме полоцкого князя, Симеон в «Наказании» назван епископом Тверским. Исходя из этого, исследователи пытались идентифицировать князя и определить время, к которому относится рассказ [Кучкин, 1969; Кузьмин, 2007]. Однако если «Наказание» было записано уже после смерти Симеона, когда он воспринимался исключительно как тверской архиерей, то нет ничего странного в том, что Симеон именовался по возглавляемой им кафедре в повествовании о событиях, произошедших до его появления в Твери. К сходным выводам пришли Э. Ключ и Б.А. Успенский, анализируя связанные с епископом Симеоном известия [Ключ, 1994, с. 66; Успенский, 1998, с. 338–339].

Сведений о хиротонии Симеона не сохранилось, однако имеющиеся известия заставляют предполагать, что он был поставлен на Полоцкую епископию, а затем перемещен в Тверь, что повлекло за собой открытие новой кафедры. Именно в это время в составе Сербской редакции Кормчей книги митрополит Кирилл получил сочинение, позволяющее перемещать епископа с одной кафедры на другую в качестве награды за верность и стойкость [Корогодина, 2019]¹². Уже пребывая в Твери, в течение некоторого времени Симеон продолжал восприниматься как епископ Полоцкий. Возможно, митрополит Кирилл предполагал, что Симеон, подобно Феогносту, будет *de facto* возглавлять две кафедры; но, как и в первом случае, это оказалось невозможно. В отличие от Переяславской, Полоцкая епископия не запустела. Известия о следующем епископе, Иакове, относятся ко времени около 1308 г.¹³, однако время его хиротонии неизвестно. Если между

¹² Предположительно, это сочинение являлось постановлением синода, пребывавшего в Никее, было издано в 1220-е годы и сохранилось фрагментарно в болгарском переводе. Орывки из него включены в «Томос единения» (постановление о четвертом браке императора Льва VI) и в толкование к правилу Карф. 75.

¹³ Сохранилось послание епископа Иакова пробсту, наместнику и совету г. Риги с упоминанием его поездки к митрополиту [Кузьмин, 2012, с. 231–234]. Изд.: [Хорошкевич, 2015, с. 60–61, № 3].

епископами Симеоном и Иаковом не было иных архиереев, сведения о которых не сохранились, то после перемещения Симеона в Тверь в 1271 г. Полоцкая епархия, вероятно, длительное время пустовала.

Открытие новых кафедр митрополитом Кириллом и превращение старых епископий в титулярные говорит о его стремлении преобразовать структуру Киевской митрополии. С этим связано появление некоторых терминов, свидетельствующих о попытках уподобить структуру Русской церкви Византийской. Так в летописном известии о погребении Александра Невского во Владимире в 6771 (1263) г. упоминается «иконом Севастиан» [ПСРЛ, т. 20, с. 165; т. 23, с. 85–86]. Псковская летопись, сохранившая первоначальную редакцию жития Александра Невского, созданную в XIII в. [Бегунов, 1965, с. 194], недвусмысленно называет Севастиана митрополичьим икономом [ПСРЛ, т. 5, с. 6]. Должность иконома, управлявшего церковным имением, известна на Руси с XII в., но исключительно как монастырская¹⁴. Правила 4 Всел. 26 и 7 Всел. 11 указывают на должность иконома при кафедральных соборах и при епископах¹⁵, но древнерусские тексты не содержат упоминаний о ней в русской практике. Летописная статья об отпевании Александра Невского свидетельствует о введении должности епископского иконома при митрополите Кирилле.

Еще одно уподобление византийской структуре церковных должностей мы встречаем в послании митрополиту Кириллу Иакова-Святослава, Видинского деспота, отправленном вместе с переписанной в 1262 г. для митрополита Кормчей книгой. Митрополит Кирилл назван в послании архиепископом «протофронеѣ» (от греч. *πρωτόθρονος*, первопрестольный). С.В. Троицкий считал это слово обозначением

¹⁴ Иконом как монастырская должность упоминается в житии Феодосия Печерского, «Сказании о черноризическом чине» Кирилла Туровского, Ипатьевской летописи (1169 г.), писцовой записи на Юрьевском Евангелии 1119 г. и в житии Авраамия Смоленского. Иметь в монастыре иконома предписано Студийским уставом [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 221; Срезневский, Материалы, т. 1, ч. 2, с. 1087–1088; ПСРЛ, т. 2, с. 535; Корогодина, 2021в, с. 377–379].

¹⁵ Соответствующие тексты были в Древнеславянской редакции Кормчей, бытовавшей на Руси с XI в.; в Сербской редакции Кормчей книги, присланной митрополиту Кириллу в 1262 г.; и в составленной в последней четверти XIII в. при нем же новой Кормчей книге: ГИМ, Син. 132, л. 1316–г, 239а–в [Бенешевич, 1906, т. 1, с. 124, 217–218; Петровић, Штавлианин-Ђорђевић, 2005, т. 1, с. 301–302, 483].

номоканона [Троицки, 1960, с. 22]; однако Я.Н. Шапов и А. Поппэ справедливо показали, что термин относится к главе Киевской митрополии, Кириллу [Шапов, 1978, с. 142–149; Поппэ, 1996, с. 470–471]. Как заметил А. Поппэ, термин может как отражать представления Иакова-Святослава о русском митрополите, так и воспроизводить наименование митрополита из несохранившегося послания от Кирилла к Видинскому деспоту с просьбой прислать новый сборник церковных правил. Судя по разнообразию написаний термина «протофроня» в рукописях, начиная с Рязанской Кормчей (1284) [Шапов, 1978, с. 149–150], он оставался непонятным русским книжникам и поэтому оказался неприменим к церковной иерархии Киевской митрополии после смерти митрополита Кирилла. Однако в Бдине, где контакты с греческим миром были более регулярными, чем на Руси, наименование Киевского митрополита «первопрестольным» было естественным. В 1250-х — начале 1260-х годов, когда в северной и восточной частях Киевской митрополии оставалось всего три архиерея: Новгородский, Ростовский и Сарайский (с 1261 г.), митрополит Кирилл также выступал как епархиальный епископ, совершая погребения и венчания, рукополагая и освящая церкви. В отличие от иных уцелевших архиереев, для него не существовало канонических препятствий в священнодействии на всей территории митрополии. Возможно, такое наименование позволяло митрополиту объяснить свое чрезмерно активное участие в жизни как вдовствующих, так и действующих епископий.

Таким образом, митрополит Кирилл вводил в церковную структуру Киевской митрополии изменения, приближавшие ее к Константинопольской церкви. Однако наиболее решительное нововведение было предпринято им в 1273 г., в его последний приезд во владимирскую землю перед тем, как он надолго удалился в Киев. В это время состоялся не только собор, о котором шла речь выше, но и хиротония епископа Серапиона.

В хиротонии принимали участие четыре епископа¹⁶ — все действующие архиереи центральной и восточной части Киевской

¹⁶ «Правило Кюрила митрополита Руськаго, съшьдъшихся епископъ: Далмата Ноугородьскаго, Игнатъя Ростовьскаго, Феогноста Переяславьскаго, Симеона Полотъскаго» [РИБ, т. 6, стб. 83].

митрополии¹⁷. Хиротония Серапиона состоялась непосредственно в начале соборных заседаний, в присутствии всех четырех епископов, о чем сказано в *intitulatio* актов собора [РИБ, т. 6, стб. 83]. Летописи сохранили известия о семи хиротониях, совершенных митрополитом Кириллом, хотя на деле их было больше — нет записей о возведении на кафедру епископа Полоцкого Симеона, неясно время возведения на кафедру Владимиро-Волынских епископов¹⁸. Лишь одна хиротония, епископа Новгородского Далмата в 6759 (1251) г., была совершена митрополитом вместе с епископом Ростовским Кириллом. В остальных случаях, судя по летописям, митрополит рукополагал единолично как до, так и после 1273 г., несмотря на требование правила Ап. 1, чтобы в епископской хиротонии принимало участие не менее трех архиереев [Бенешевич, 1906, с. 62]. Очевидно, это оставалось невозможным на протяжении долгого времени после Батыева нашествия. Если это так и летописи не умалчивают об участии в хиротониях иных епископов, то рукоположение епископа Серапиона выделяется соборностью.

Однако самым необычным было посвящение епископа. Наиболее ранние Троицкая и Симеоновская летописи сообщают, что Серапион

¹⁷ Каждый из участников собора известен по независимым летописным известиям; это дает основания полагать, что иных архиереев, не приехавших на собор и ни разу не упомянутых в летописях, не существовало. Во Владимиро-Волынской епархии на западе Киевской митрополии к 1273 г. прервалась череда епископов (см. след. сноску). Основание Холмской епископии, упоминаемой в Ипатьевском списке, А.П. Толочко относит ко времени не ранее 1289 г. или даже к 1303 г. [Толочко, 2005; 2017; Jusupović, 2019, S. 59–61].

¹⁸ В Ипатьевском списке под 6731 (1223) г. приведен перечень Владимиро-Волынских епископов, указывающий их последовательность, но не позволяющий реконструировать время, когда они занимали престол: Асаф, Василий, Микифор Станко, Кузма [ПСРЛ, т. 2, с. 739–740]. Предлагаемая Н.И. Теодоровичем периодизация правления Владимиро-Волынских епископов условна вплоть до 6795 (1287) г., под которым в Ипатьевском списке упоминается епископ Марк, а в Хлебниковском к тому же времени относится Евсегний. А. Юсупович и Д. Домбровский предположительно отнесли правление этих епископов ко времени до 1269 г., опираясь на время княжения Романовичей. К более раннему периоду — до 1258–1260 гг. относил четверых епископов П.П. Толочко, который полагал, что перечень епископов и иные статьи, связанные с деятельностью архиереев во Владимире Волынском и Холме, были вставлены в Галицкую летопись перед приходом Бурундая на Волынь. Таким образом, между 1260–1287 гг. Владимиро-Волынская кафедра пустовала [Теодорович, 1893, с. 35–37; ПСРЛ, т. 2, с. 899; Толочко, 2005, с. 47–53; Dąbrowski et al., 2017, S. 548, 554; Jusupović, 2019, S. 59–61].

был поставлен «епископом Ростову, Володимерю и Новугороду» [ПСРЛ, т. 18, с. 74; Приселков, 2002, с. 332]¹⁹. Такой перечень кафедр (три вместо одной, причем на двух из них сидели здравствующие епископы) изумлял средневековых книжников так же, как и современных исследователей. Пытаясь обойти противоречие, книжники редактировали известие, изменяя список кафедр: «Володимеру и Суздалю» [ПСРЛ, т. 15, с. 404; т. 20, с. 168; т. 23, с. 89], «Ростову и Владимиру» [Там же, т. 30, с. 95], «Володимерю, Суждалю и Новугороду Нижнему» [Там же, т. 25, с. 151]. Н.М. Карамзин, цитируя известие по Троицкой летописи, предлагал под Новгородом понимать Нижний Новгород [Карамзин, 1833, с. 26 (второй нумерации), примеч. 143]. Однако для XIII столетия нет ни одного известия о Нижнем Новгороде как церковном центре. Казалось бы, сходные известия нередко встречаются на листах летописей, например, о поставлении в 6736 г. (1228) Митрофана епископом «Суздаля и Володимерю и Переяславлю» [ПСРЛ, т. 18, с. 53]. Однако это обманчивое сходство: во всех подобных известиях называются крупные центры той же епархии, в которых находились кафедральные соборы и митрополичьи подворья, а не центры разных епископий.

Учитывая, что позднейшие летописи варьируют сочетание тех кафедр, которые одинаково названы в двух старших летописях, нет оснований для использования каких-либо интерполяций. Можно полагать, что митрополит Кирилл хиротонисал Серапиона, поручив ему три кафедры: Владимир, Ростов и Великий Новгород в присутствии Ростовского и Новгородского архиереев. При этом в постановлениях собора 1273 г. для епископа Серапиона указана единственная кафедра — Владимир²⁰. Очевидно, именно она являлась главной в этом списке — той, которая именовалась в чине хиротонии; подобно тому, как для епископа Феогноста назван лишь Переяславль, а Симеон указан как епископ Полоцкий.

Этому можно найти единственное объяснение: митрополит Кирилл выбрал Серапиона митрополичьим экзархом. На Руси с ранних времен были известны «владычные наместники», многократно упоминаемые в текстах XIII в., однако их деятельность ограничивалась

¹⁹ В Лаврентьевской летописи листы утрачены.

²⁰ «На поставление епископа Серапиона Володимирскаго» [РИБ, т. 6, стб. 83].

административными и судебными задачами²¹. Наместники ни разу не упоминаются в качестве священнослужителей, выполняющих функции архиерея.

Экзарх как особое должностное лицо не упоминается в древнерусских текстах; даже в переводной литературе до XVI в. этот грецизм появляется лишь однажды, в Древнеславянской редакции Кормчей книги [Срезневский, Материалы, т. 1, ч. 2, с. 822; Бенешевич, 1906, с. 120]²². Однако в тексте греческого номоканона слово ἑξάρχος встречалось чаще, и во всех остальных случаях оно переводилось как «начальник» [Максимович, 2010, ч. 1, с. 151; ч. 2, с. 405]. Выражение ὁ ἑξάρχος τῆς διοικήσεως и ὁ ἑξάρχος τῆς ἐπαρχίας встречается в греческом тексте в правилах 4 Всел. 9 и 17, а также Сард. 6, причем при переводе последнего правила понятие «экзарх» было раскрыто: «глаголю епископа митрополиискаго» [Бенешевич, 1906, с. 284, 13–14]. В правилах 4 Всел. 9 и Сард. 6 часть текста, упоминающая об экзархах, исключена редакторами. Это позволяет предполагать, что, ставя епископа Серапиона над всеми действующими епископиями северной части Киевской митрополии, Кирилл действительно намеревался дать ему статус «начальника (экзарха) диоцеза, епископа митрополитского». Необходимость возвести будущего экзарха в сан архиерея, чтобы он мог совершать всю полноту священнодействий, а не ограничивался функциями наместника, вершившего митрополичий суд, понудила Кирилла возобновить еще одну вдовствовавшую со времен Батыя епископию — Владимирскую. В этом не было необходимости, пока сам митрополит находился во Владимире почти постоянно.

Очевидно, долгое пребывание Кирилла во Владимире сделало Киевский престол титулярной митрополией. В этом не было ничего необычного в XIII в., когда постепенный захват османами одного восточного города за другим превратил в титулярные целый ряд восточных патриархатов и епископатов; после взятия Константинополя крес-

²¹ Наиболее полный обзор исследований, посвященных митрополичьим наместникам, и сведений о наместниках в XIV–XVI вв. см.: [Давиденко, 2012].

²² Неясно, почему в правиле 4 Всел. 17 греческое слово осталось не переведенным. Аналогичное выражение ὁ ἑξάρχος τῆς διοικήσεως передано как «начальник строения» всего парой листов выше в правиле 4 Всел. 9 [Бенешевич, 1906, с. 117]. Текст правила 4 Всел. 17, включая упоминание экзарха, вошел в Кормчую книгу, составлявшуюся при митрополите Кирилле: **«εξαρхъ строения»**. См.: ГИМ, Син. 132, л. 127а: 5–6.

тоносцами в 1204 г. вплоть до 1261 г. Константинопольские патриархи, жившие в Никее, также были титулярными. Однако в конце жизни Кирилл решил вернуться в город, где находился престол митрополии; именно с этим решением, надо полагать, связано его намерение поставить Серапиона над епархиями в Северо-Восточной Руси и Новгороде, поскольку в эти земли сместился центр политической жизни.

Плану митрополита не суждено было сбыться. Серапион умер через год, и нового епископа Феодора Кирилл поставил в 6784 (1276) г. только во Владимир, не делая больше попыток установить общее управление северными епархиями. В 1274 г. в Новгороде появился новый епископ Климент; Сарайский епископ Феогност находился в Константинополе на соборе; с Ростовским епископом Игнатием митрополит Кирилл, возможно, был в натянутых отношениях, если учесть острый конфликт между ними в 1280 г., чуть не закончившийся для Игнатия лишением сана. Можно предположить, что даже если митрополит хотел сделать еще одну попытку поставить экзарха, в 1276 г. он уже не мог рассчитывать на столь твердую поддержку епископов, как в 1273 г.

Собор 1273 г. и нерешенные вопросы

Церковный собор во Владимире, состоявшийся в 1273 г.²³, был единственным в Киевской митрополии, постановления которого были записаны в виде актов, с формуляром, близким к актам Константинопольских синодов. Подобные соборы, деяния которых были бы зафиксированы, неизвестны вплоть до XVI в., когда в Москве был созван собор в 1503 г., а затем Стоглавый собор в 1551 г., а в Великом княжестве Литовском — собор в Вильно в 1506 г. В XVI столетии, после многочисленных дипломатических контактов с Римской и Османской империями, после подробнейших описаний деяний Флорентийского собора представления о документации, необходимой для сохранения принятых решений, были совсем иными, чем в более раннее время. Для XIII в. запись деяний собора была необычным явлением и не повторялась в последующие годы, например, во время собора в Переяславле Залесском в 1280 г. Стремление митрополита Кирилла подготовить

²³ Дата собора: 1273, а не 1274 г., была обоснована Я.Н. Шаповым; место его проведения — М.В. Печниковым [Шапов, 1978, с. 181–183; Печников, 2009].

акты так, чтобы они ни у кого не вызывали сомнений, проявилось как в обосновании каждого синодального решения правилами вселенских и поместных соборов, так и в *intitulatio* — перечне архиереев, принимавших участие в соборе. Как было показано выше, титулатура в этом перечне носит официальный характер и представляет архиерея с тем титулом, с которым он был рукоположен.

Архиерейская хиротония Серапиона, состоявшаяся перед обсуждением насущных вопросов, позволила митрополиту Кириллу увеличить до пяти число епископов на все русские княжества от Сарая до Новгорода, от Переяславля Русского до Твери: Далмат, архиепископ Новгородский, Игнатий, епископ Ростовский, Феогност, епископ Переяславский и Сарайский, Симеон, епископ Полоцкий и Тверской, и Серапион, епископ Владимирский [Поппэ, 1996, с. 443–445; Preiser-Kapeller, 2008, S. 489–535]. Вслед за хиротонией иерархи совместно вынесли решения по ряду вопросов, большинство из которых было связано с различиями в представлениях об обязанностях разных степеней клириков. Постановления собора 1273 г. сохранились в рукописи, практически современной событию: в списке Новгородской Синодальной Кормчей 1280–1282 гг.²⁴ При его издании А.С. Павлов условно выделил в деяниях собора литературное предисловие и шесть статей [РИБ, т. 6, стб. 84–99]; ниже для удобства мы будем придерживаться этого деления, несмотря на то что многие выделенные исследователем статьи достаточно разнообразны по содержанию.

Предисловие. Вступление к постановлениям собора написано от первого лица и представляет собой обращение митрополита к участникам собора. С первых строк митрополит сосредоточивается на основной теме — появлении в русских землях церковных правил, которые способны и защитить, и просветить страждущих. Предисловие к соборным постановлениям включает цитаты из текстов Кормчей книги, обсуждение которой было одной из задач собора. И.И. Срезневский и вслед за ним Я.Н. Щапов обратили внимание на пространную цитату в предисловии из записи создателей Сербской редакции Кормчей, сохранившейся в копии в Рашском списке 1305 г.: «Помрачени бо бѣху прѣжде сего облакомъ мудрости елиньскаго языка, ныня же облисташе,

²⁴ ГИМ, Син. 132, л. 539–546 об.

рекше истлъкованы быше, и благодѣтию Божию ясно сияють, невѣдѣния тму отгонеще, и все просвѣщающе свѣтомъ разумнымъ, и от грѣхъ избавляюще» [Срезневский, 1897, с. 81–84; Щапов, 1978, с. 182]. Именно эти слова наиболее наглядно показывают отношение митрополита Кирилла к новому своду церковных правил с толкованиями, пролившему свет на трудные для понимания постановления.

Еще одно яркое сопоставление церковных законов с крепкими стенами, защищающими Церковь, также является заимствованием из нового сербского перевода Кормчей книги: «пречистыми законоположении, акы нѣкими стѣнами чюдными оградивше Божию церковь» [Корогодина, 2019, с. 307]. Эти слова взяты из «Томоса единения» — постановления Константинопольского синода, осуждающего четвертый брак византийского императора Льва VI. В славянской традиции «Томос единения» получил значение сочинения, посвященного деятельности епископата в церкви [Корогодина, 2019, с. 300–305].

Стилистически и тематически предисловие делится на две части: первая полностью посвящена прославлению «истолкованных» апостольских и соборных правил, которыми Господь просвещает неразумных. Вторая часть, существенно меньшая по размеру и открывающаяся словами: «Кѣи убо прибыток наслѣдовахомъ, оставльше Божия правила?..», построена на череде риторических вопросов, живо рисующих картину разорения земель монголами как наказание за несохранение правил святых отцов. Именно вторая, риторическая часть находит параллели в более раннем поучении епископа Серапиона, бывшего одной из центральных фигур на соборе во Владимире. Близость текстов позволила В.В. Колесову предположить, что автором Слова являлся сам Серапион [Колесов, 1981].

Как мы увидим далее, в подготовке постановлений собора 1273 г. принимали участие архиереи разных кафедр, так что текст правил является соборным по сути. Можно полагать, что не только формулировка вопросов для собора, но и подготовка предисловия была результатом соборного творчества, так что предисловие не следует воспринимать в качестве непосредственной записи обращения митрополита к присутствующим. Разные риторические приемы, стиль и тематика, бросающиеся в глаза при чтении, могут свидетельствовать о том, что в окончательный текст вошли фрагменты речей как митрополита

Кирилла, так и епископа Серапиона, составившие первую и вторую части предисловия. Это неудивительно, поскольку Серапион — книжник, привезенный митрополитом из далекого Киева и поставленный над тремя епархиями, — должен был привлекать внимание и, вероятно, обратился с собственной речью к участникам собора.

Стилистически выдержанное, эмоционально окрашенное предисловие пользовалось немалой популярностью на протяжении следующего столетия и неоднократно цитировалось в сочинениях XIV в. Выдержки из него вошли в Мерило праведное [Вершинин, 2019, с. 162–163, 230] — ключевой древнерусский свод церковных и гражданских законов, помимо Кормчей книги. В этом пространном юридическом сборнике, опиравшемся на сформированную при митрополите Кирилле Кормчую книгу, использование правил собора 1273 г. выглядит естественным. Более неожиданным является цитирование предисловия к постановлениям собора в Слове о житии Дмитрия Донского, в котором образное сравнение церковных постановлений со «стенами чюдными», ограждающими Божию церковь, использовано буквально для рассказа о возведении каменных стен вокруг Москвы [РИБ, т. 6, стб. 85; ПСРЛ, т. 6, с. 492].

1 статья. Поставление клириков. Основная тема статьи — запрет епископам взимать мзду за поставление в священный сан и установление «уроков» — фиксированной платы клирошанам за «пение» молитв во время хиротонии. Таким образом, проводилась четкая грань между оплатой клиросу за совершение требы и «мздой» за получение сана. Говоря об установлении платы клирикам, митрополит Кирилл пишет от первого лица: «Не взимати же у нихъ ничтоже, развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополии, да будетъ се въ всѣхъ епископѣяхъ: да възмутъ клирошане 7 гривенъ от поповъства и от дьяконъства от обоего» [РИБ, т. 6, стб. 92]. Таким образом, дополнительная плата за «сверхурочную» работу являлась нововведением митрополита, которое он распространил на все епископии. Иные формулировки использованы при осуждении взимания денег за получение сана: «емля от него что, свящяя на мзздѣ, рекомое “посошное”» [Там же, стб. 89]. Отсылка к общеизвестному термину «посошное», очевидно, хорошо знакомому современникам митрополита Кирилла, указывает на то, что речь идет о давно устоявшемся обычае.

Таким образом, согласно правилам собора 1273 г., любое требование денег, помимо оплаты работы клириков по установленной таксе, в том числе во время церковных соборов или за предоставление церковных должностей, сурово осуждалось и приравнивалось к взяточничеству. Запрет взимать вознаграждение за поддержку кандидата на вступление в клир, как и некоторые требования к претендентам на священство, обосновывались ссылками на несколько церковных правил. Большая часть, иногда с неточными номерами, названа в самом тексте: Ап. 29²⁵, 6 Всел. 22, 4 Всел. 2 и 6, послание патриарха Константинопольского Тарасия к папе Римскому Адриану, а также правило 7 архиепископа Александрийского Феофила. Симония продолжала оставаться распространенным явлением и в более позднее время, судя по сборнику Власфия, сформированному в XIV в. и включившему многочисленные выдержки из церковных правил и сочинений отцов церкви, в которых осуждалось приобретение должностей за «мзду» как светскими, так и церковными лицами [Клибанов, 1960, с. 30–33; Алексеев, 2012a].

Помимо прямого запрета взимать мзду за поставление в священный сан, статья имеет ряд иных указаний. Два дополнительных запрета отсылают к текстам, появившимся на Руси в XIII в., но не упоминаемым напрямую в данной статье. Первый касается запрета переводить епископов с кафедры на кафедру или священников из епархии в епархию: «ни изъ иного въ инъ градъ поставити, аще от своего прѣдѣла будеть, преже дажъ не общаетъ» [РИБ, т. 6, стб. 90]. Решение восходит к синодальному постановлению 1220-х годов, ставшему известным на Руси вместе с новым переводом Кормчей книги, — переработке «Томоса единения», цитировавшейся уже в предисловии к постановлениям собора [Корогодина, 2019]. Второй запрет касался поставления в священнический сан рабов: это правило было наиболее ясно сформулировано в синодальном постановлении патриарха Константинопольского Германа II, адресованном митрополиту Кириллу I в 1228 г. [Корогодина, 2022; Korogodina, 2023]. Это постановление, полученное на Руси почти за 50 лет до собора 1273 г., так и не было включено в Кормчую книгу.

²⁵ В тексте названо правило 31, но уже А.С. Павлов выяснил, что номер ошибочен и речь идет об Ап. 29 [РИБ, т. 6, стб. 87].

Как видим, участники собора привлекали материалы, которые к тому времени не входили в устойчивый состав каких-либо книг, резюмируя более ранние постановления и включая их в деяния собора.

Кроме того, первая статья подробно регламентирует процесс испытания кандидата в священство, компенсируя отсутствие подобных текстов в современных собору славянских богослужебных книгах. Можно полагать, что в предшествующее время процесс выборов кандидата определялся устной традицией или греческими рукописями. Собор 1273 г. впервые в древнерусской традиции фиксирует, какими должны быть требования к кандидату; кто должен выступать в качестве поручителей, как происходят испытания. Одним из источников при формировании перечня требований к кандидату в священство стал «Томос единения», который неоднократно привлекался при подготовке постановлений собора. Фрагмент «Томоса единения», перечисляющий требования к претенденту на епископство («быти непорочну, трезву, чисту плотью, постынику рекше трезвнику, въздержливу, не винопиицѣ, не пакостьнику, не сварливу») был пересказан в правилах собора («дѣвство съблюдыши <...> не кощюньници, не хыщници, ни пьяници, ни ротници, ни сварливи») [Корогодина, 2019, с. 322; РИБ, т. 6, стб. 90]. Кроме того, у кандидатов в священство необходимо выяснить, «аще грамоту добрѣ свѣдѣть» [РИБ, т. 6, стб. 90]. Прообразом этого требования являлось обобщенное рассуждение в «Томосе единения» о необходимости священнику быть «учителну не словесы точю». Более столетия эти краткие указания оставались единственными в своем роде в Киевской митрополии: новые руководства для испытания будущих клириков, включая проверку грамотности, появились только в XV в. [Неселовский, 1906, с. 191].

Помимо прочего, в деяния собора вставлен вопросник о грехах, обращенный к претенденту на священный сан, с указанием на поручительство духовного отца [РИБ, т. 6, стб. 90–91]. Это самое раннее свидетельство существования исповедных вопросников: в составе чина исповеди подобные перечни вопросов появляются лишь в XIV в. [Корогодина, 2006а, с. 49–54]. В постановлениях собора зафиксировано наиболее раннее описание процедуры испытания будущего клирика, согласно которой поручителями выступают до семи свидетелей и духовник, а испытуемого подробно расспрашивают о плотских грехах,

девстве его жены до брака, венчании и целом ряде поступков, несовместимых со священством. К ним относятся лжесвидетельство, убийство, ростовщичество, жестокое обращение с челядью, волшебство и отказ платить дань. Последний пункт («дани бѣгая») характерен исключительно для второй половины XIII в.; в более поздних текстах он не встречается. Иные упоминания о подобных испытаниях появляются только в грамоте митрополита Фотия Тверскому епископу Илие (1422) [РИБ, т. 6, стб. 424; Корогодина, 2021a], а в конце XV в., вероятно, на основе постановлений собора 1273 г. в Новгороде при архиепископе Геннадии был подготовлен особый чин «Свидетельства в дьяконство и поповство». В этот период к грехам, несовместимым со священством, помимо плотских, были отнесены разбой, убийство, воровство, принесение клятвы [РИБ, т. 6, стб. 909–912].

Кроме того, статья регламентировала правила поставления клириков, в том числе возраст претендентов (не менее 30 лет для священника и 25 лет для дьякона). Именно такой возраст для хиротонии и хиротесии был определен в правилах Неокес. 11 и 6 Всел. 14 и 15²⁶, но разыскать эти постановления в Кормчей книге было непросто. Лишь в XV в. возраст поставляемого и проверка знания им церковных книг были зафиксированы в восточнославянских текстах, подробно описывающих хиротонию [Ваврик, 1963; Корогодина, 2021a]. Постановление собора 1273 г. перечисляло все требования к претенденту на священнический сан и цитировало церковные правила, на которых эти требования были основаны.

Уже первые исследователи древнерусского канонического права обратили внимание на то, что в младшем списке Власфимии, датированном 1504 г.²⁷, правила собора 1273 г. осуждаются за назначение платы за рукоположение, тогда как в старшем списке Власфимии рубежа XIV–XV в.²⁸ они вообще не упоминаются [Православный собеседник..., 1867, с. 242]. Это дало основание А.С. Павлову, а затем и Я.Н. Щапову предположить, что пропуск предисловия и 1-й статьи правил в Мясниковской и Чудовской редакциях Кормчей книги объясняется стремлением исключить двусмысленный текст, одновременно

²⁶ ГИМ, Син. 132, л. 81в–г, 1976–г.

²⁷ Требник, РНБ, Солов. 1085/1194, л. 629.

²⁸ Трифоновский сборник, РНБ, Соф. 1262.

осуждающий и оправдывающий взимание платы за рукоположение [РИБ, т. 6, стб. 83–84; Шапов, 1978, с. 181]. Однако указание Я.Н. Шапова на Чудовскую редакцию Кормчей в этом контексте является недоразумением: здесь текст правил собора 1273 г. сохранил начало в полном объеме. Что касается Мясниковской редакции Кормчей, созданной не позднее начала XV в., то редкая статья в ней не подверглась сокращению. Желанием исключить постановление о плате за хиротонию невозможно объяснить, почему в Мясниковской редакции Кормчей также было опущено предисловие к соборным правилам, посвященное совсем иным вопросам. Таким образом, выводы исследователей о том, что первая статья правил Владимирского собора могла рассматриваться как двусмысленная, не имеют под собой оснований.

2 статья. Помазание маслом и миром во время крещения.

Главное внимание в данной статье уделено смешению таинства миропомазания с елеопомазанием: как сообщает собор, священники по незнанию смешивали миро и елей (освященное масло) и помазывали крещаемого по всему телу [РИБ, т. 6, стб. 93–95]. Запрещая соединять два вещества, собор указывал, что миром следует мазать только «чувства» (чело, глаза, уши, ноздри, уста). Древнейший славянский чин крещения, имевший хождение до XIII в. и сохранившийся фрагментарно в единственном списке, не дает ясного разграничения елея и мира: указания изображать крест маслом и миром на всех «юдѣх» крещаемого следуют друг за другом без каких-либо пояснений [Афанасьева, 2019б, с. 125]²⁹. При этом ни один текст не свидетельствует о соединении мира и масла во время крещения. Это позволяет предположить, что упрек, адресованный участниками собора неразумным священникам: «смѣшающе мюро божествьное съ масломъ» означает не соединение веществ, а неразличение их, приравнивание одно другому [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 25, с. 188].

Более четко граница между елеем, вливаемым в воду для крещения, и миром, которым совершается помазание после крещения, проводится в южнославянском переводе чина, появившемся не позднее XIII в. [Афанасьева, 2019б, с. 125–128]. Можно полагать, что постановление собора 1273 г. связано с переходом от древнейшего славян-

²⁹ РНБ, Q.п.I.24, л. 5–5 об.

ского чина к иному чину крещения, перевод которого стал известен на Руси во второй половине XIII в. и который подчеркивал различия между использованием елея и мира. Постановления собора содержат пространные цитаты из сербского чина крещения³⁰, дополненные ссылками на правило Лаод. 47 и на «Огласительные слова» Кирилла Иерусалимского. Согласно наблюдениям Т.И. Афанасьевой, в русской традиции вплоть до XVII в. сосуществовали разновременные редакции чина крещения [Там же, с. 134].

Как и в других статьях, в конце постановления выносятся несколько решений, связанных с основным вопросом лишь общей тематикой. Дважды подчеркивается необходимость причащения после крещения; очевидно, этот вопрос участникам собора представлялся наиболее важным. Если крещение совершалось в церкви и было приурочено к литургии, то причастить крещаемого было несложно. Однако крещение могло быть совершено и вне церкви: на дому, если крестили больного младенца, или даже «в чисте месте», если речь шла о крещении взрослых миссионерами. В таких случаях причастить можно было только запасными дарами, что требовало предварительной подготовки и продуманности действий. Как мы увидим далее, перенесение запасных даров являлось одним из вопросов, не получивших однозначного ответа в книгах.

Наконец, в этой же статье подчеркивается запрет крестить через обливание, что в XIII в. ассоциировалось с «латинством». Важно, что запрет вводится словами «боле да не обливають никогоже» [РИБ, т. 6, стб. 94]; это означает, что до 1273 г. крещение через обливание продолжало иногда практиковаться в православных церквях. О практике обливания в славянских землях свидетельствует болгарский Зайковский Требник (НБКМ 960) начала XIV в., в котором погружение сознательно заменено на обливание [Hološnja, 1995; Цибранска-Костова, Мирчева,

³⁰ Выдержками из чина крещения в постановлениях собора 1273 г. является текст: «мажють и масломъ древянымъ, глаголюще: „мажеться рабъ Божии масломъ радости въ имя Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь“ на всѣхъ сѣставѣхъ. Ти потомъ да крещаютъ и, погружающе въ три погруженья въ имя Отца, таче Сына, таче Святаго Духа, и приглашаютъ „аминь“. Таже мажють и мюромъ по чювьствомъ, глаголя: „печать и даръ Святаго Духа“, <...> на челѣ, на очю, на ушью, на ноздрѣю, на устну» [РИБ, т. 6, стб. 93–94]. Ср. с чином крещения в древнерусском списке XIV в.: РНБ, Соф. 526, л. 106 об., 108–108 об.

2012, с. 140–142]. Как будет показано далее, этот вопрос снова стал актуальным во времена нашествия Орды и был задан на заседании синода в Константинополе в 1276 г.

3 статья. Праздничные бои. От церковных таинств участники собора перешли к вопросам, связанным с местными обычаями [РИБ, т. 6, стб. 95–96], в том числе с приурочиванием народных празднеств, имевших языческую основу, к датам церковного календаря. В постановлениях собора описаны традиционные представления («позоры»), которые сопровождались свистом и криками, переходили в смертные бои на копьях («дрьколѣмь») и заканчивались ограблением убитых. Текст приписывает «треклятым елинам» обычай устраивать подобные кровавые празднества. В Византии действительно сохранялись многие традиционные торжества и гуляния, берущие начало в античных временах и приуроченные к христианским праздникам. В XII–XIII вв. при дворе византийских императоров проводились рыцарские турниры, сопровождавшиеся торжественным церемониалом и не имевшие ничего общего с площадными боями [Jones, Maguire, 2002]. Кроме того, к концу XIII столетия, времени императора Андроника III, относятся сообщения о боях на копьях и палках во время народных празднеств [Поляковская, 1991, с. 578].

Собор 1273 г. опережает по времени правление Андроника III; можно полагать, что русские архиереи опирались на расхожие рассказы о греческих празднествах. Однако в основе детального описания праздничных боев, без сомнения, лежат русские, а не греческие обычаи. Побоища были одним из способов решения острых политических вопросов, в том числе в Новгороде, где убоицы порой перерастали в битвы между «концами»³¹, заканчивавшиеся увечьями и гибелью людей. Увечья, наносимые во время драк, в том числе на палках, являлись уголовным преступлением, наказание за которое оговаривалось в «Правде Русской» — основном древнерусском княжеском своде законов, хорошо известном участникам собора 1273 г., поскольку этот свод был включен в Кормчую книгу [Правда Русская..., 1940, с. 124–125]. Однако внимание участников собора было сосредоточено не на драках и увечьях как уголовном преступлении, а на обрядовых боях,

³¹ Новгород делился на пять «концов» — районов, имевших собственное вече: Людин, Загородский, Неревский, Плотницкий и Славенский.

сопровождавших традиционные праздники, например, свадьбы, которые, как известно из «Устава князя Ярослава о церковных судах», сопровождались смертными боями [Щапов, 1976, с. 113, ст. 29]. Соответствующая статья вошла в Кормчую книгу и несомненно была известна участникам собора 1273 г.

Осуждая «бесовские обычаи треклятых елин», собор с особой суровостью отнесся к тому, что ритуальные бои приурочены к церковным праздникам, и пригрозил участникам боев отлучением, в том числе запретом приносить поминальные дары в церковь и отказом в церковном погребении. Осуждению подверглись также священники, совершающие церковные таинства и обряды над участниками боев.

4 статья. Дьяконская проскомидия. Предшествующая статья о языческих празднествах прерывала последовательность вопросов, касавшихся богослужения. Следующая статья относилась к литургическому значению и функциям дьяконов, затрагивая вопрос о совершении ими проскомидии. Древняя практика проскомисания дьяконами, сохранявшаяся в византийской церкви до XII–XIII вв., постепенно была вытеснена постановлениями, предписывающими совершать проскомидию только священникам, ярким свидетельством чего являются вопросоответы митрополита Критского Илии [Бернацкий, Желтов, 2005, с. 27–29]. В Киевской митрополии до XIII в. был принят греческий обычай совершения проскомидии дьяконами, в соответствии со Студийским уставом [Муретов, 1894, с. 499–500], в то время как, согласно Иерусалимскому уставу, проскомидия совершается священником. Правила собора 1273 г. являются наиболее ранним примером постепенного отказа от дьяконской проскомидии в Русской церкви. На важность вопроса и тщательную подготовку участников указывают ссылки на правила церковных соборов: Лаод. 55 и 1 Всел. 18 (в тексте ошибочно номер 23) [РИБ, т. 6, стб. 96–97]. Сопоставление правил показывает, что постановление собора 1273 г. опирается на компилятивную Русскую редакцию Кормчей, которая в тексте I Вселенского собора соединила правила Древнеславянской редакции Кормчей с толкованиями Сербской редакции [Срезневский, 1897, с. 91].

Решения собора 1273 г. об отказе от дьяконской проскомидии не смогли быстро изменить сложившуюся традицию, и тот же вопрос был поднят спустя несколько лет во время пребывания епископа

Сарайского Феогноста в Константинополе, поэтому более подробно он будет рассмотрен ниже.

Именно в этой статье появляется указание на Новгород как на место, в котором совершаются проступки, осуждаемые собором. Следующие две статьи открываются словами: «увѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ...», что также воспринимается как указание на Новгород. Это привело М.В. Печникова к заключению, что собор противостоял Новгородскому архиепископу Далмату [Печников, 2009]. Не отрицая полностью такой возможности, необходимо подчеркнуть, что других свидетельств конфликта между митрополитом и Новгородским архиепископом нет; в целом же вопросы, рассматриваемые на соборе, связаны с церковной жизнью всей митрополии, не только новгородских или псковских земель. Основной проблемой, которая явилась причиной соборных заседаний, было отсутствие указаний в письменных текстах по многим вопросам, ставшим насущными к 1270-м годам, и отсутствие преемственности в большинстве епархий. На фоне разоренных монгольским нашествием земель новгородский регион был наиболее благополучным. Возможно, обилие вопросов, связанных с новгородскими обычаями, объяснялось отчасти тем, что в Новгороде сохранилось наиболее образованное духовенство, способное увидеть корни проблем, связанных с особенностями богослужения и меняющейся практикой, в то время как архиереи и клирики более южных регионов были не готовы ставить богословские и богослужебные вопросы.

5 статья. Пьянство в Пасхальный период. Статья отчасти похожа на предыдущий текст о языческих празднествах, поскольку также осуждает неподобающее отношение к христианским праздникам со ссылкой на правило Ап. 42. Однако если статья 3 говорила о проступках мирян, то статья 5 — исключительно о неподобающем поведении клириков — пьянстве, сопровождающем пасхальные дни. Речь идет о времени от Вербного воскресенья до дня Всех святых, то есть статья охватывает период Цветной Триоди, включая Страстную седмицу³².

³² В славянской традиции, в том числе в русских дониконовских рукописях, Цветная Триодь начиналась с вечерни пятницы 6-й недели Великого Поста, перед Лазаревой субботой, — в отличие от современной Цветной Триоди, начинающейся с пасхальной службы. Такое деление восходит к греческой традиции, соответствующей Иерусалимскому уставу и фиксирующейся с XII в. [Момина, 1976, с. 392–393].

Из деяний собора следует, что в это долгое праздничное время клирики и архиереи не только были подвержены пьянству, но и отказывались совершать требы: «яко не быти божествному приношению, ни божествнаго крещения» [РИБ, т. 6, стб. 97]. Запрет, очевидно, восходит к ранним представлениям о недопустимости совершения определенных действий в праздничные дни. Ряд подобных запретов связан с постными днями и касается в первую очередь совершения венчания и плотского воздержания. О негласном обычае не совершать требы и крещение в пасхальный период из других источников неизвестно. Между тем, судя по данной статье, эти представления были достаточно распространены как среди духовенства, так и среди мирян: «аще ли явяться спыры творяще народы, не покоряющесе сему правилу, прокляти да будут».

Значение слова «спыры» вызывало разногласия исследователей. По мнению И.И. Срезневского, поддержанному составителями «Словаря русского языка XI–XVII вв.», термин является калькой греческого слова *σπείρα* в значении «толпа, сборище» или «мятежная шайка» [Срезневский, Материалы, т. 3, с. 472; СлРЯ XI–XVII вв., вып. 27, с. 33]. Можно представить, что запрет употребления алкоголя в церковные праздники заставлял «народы» собираться мятежными толпами, но все же подобная реакция на требование воздержания кажется чрезмерной. Иное толкование было предложено при издании правил собора 1273 г., подготовленном В.Н. Бенешевичем: «с пыры творяще народы» [Бенешевич, 1987, с. 184]. Такое словоделение, не прокомментированное в издании, вероятно, было выбрано исходя из того, что статья посвящена пьянству, поэтому упоминание пиров кажется уместным. Однако синтаксическое строение фразы при подобном прочтении полностью нарушается и обесмысливается. Как представляется, ближе всех к верному пониманию был переписчик XVI столетия, заменивший «спыры» на «споры» [РИБ, т. 6, стб. 98, сноска 17]. Это позволяет предположить, что слово «спира» могло являться сокращенной формой слова «спирание» (распря, спор) [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 27, с. 33–34]. При таком понимании окончание статьи является парафразом окончания предшествующей: «люди молву начнуть творити».

6 статья. Священнодействия непосвященных. Заключительная статья наиболее насыщена различными указаниями и содержит об-

ширный ряд положений, регламентирующих совершение священнодействий мирянами и младшими клириками [РИБ, т. 6, стб. 98–99]. Она открывается запретом клирикам, не имеющим священнического сана, освящать плоды и поминальные дары, приносимые в церковь: хотя такое освящение не относится к таинствам, совершать его может только иерей. До постановления собора оно могло совершаться дьяконами или, возможно, иными младшими клириками, не имеющими духовного сана. Обоснованием для запрета служило правило 1 Всел. 18 (только упоминается, без цитирования) и толкование к правилу Лаод. 15, которое цитируется целиком, включая пояснение греческих лексем.

Последующий текст принадлежит собору русских епископов и запрещает чтение Апостола, пение прокимнов и вход в алтарь лицам, не имеющим сана. Перенос освященных сосудов и каждение также остается прерогативой священников и дьяконов. Помимо них вход в алтарь разрешен только специально посвященным пономарям, но и им запрещается ходить по алтарю или пребывать в нем, если это не продиктовано литургическими потребностями. В отдельную позицию вынесен запрет вносить что-либо постороннее в алтарь, включая кутью.

Можно предполагать, что во времена татарского нашествия, когда значительная часть богослужения легла на плечи мирян, помогающих и прислуживающих в церкви, отношение к алтарному пространству и священным предметам стало более вольным, и именно это побудило собор обозначить строгие границы священнодействий для каждой ступени церковной иерархии. Кроме того, со второй половины XIII в. на Руси становятся известны новшества, связанные с переходом Византийской церкви на Иерусалимский устав. В качестве цельного богослужебного текста Иерусалимский устав появился на Руси существенно позже, лишь в конце XIV в.; но связанные с ним изменения стали sporadически проявляться уже в XIII в. [Мусин, 2000, с. 226, 239]. Так, в постановлениях собора 1273 г. отразились изменения в чине проскомидии, повлекшие за собой запрет дьякону совершать эту ключевую часть литургии. Возможно, иные ограничения в действиях дьякона, в том числе запрет освящать кутью или плоды, в том числе на Преображение, также связаны с переменами во взглядах на дьяконское служение.

Корогодина, М. В. Правила Константинопольского синода 1276 года [Текст] / М. В. Корогодина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 344 с. — (Polystoria). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4117-3 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4271-2 (e-book).

Монография посвящена Константинопольскому синоду, состоявшемуся в 1276 г. по просьбе русских архиереев для решения насущных вопросов в наиболее трудный для Руси период, в разгар монгольского нашествия. В ней рассмотрены предыстория поездки епископа Сарайского Феогноста в Константинополь и особенности восприятия вопросов, связанных с богослужением и управлением церковью, русскими и греческими архиереями в период действия Лионской унии. Проанализирован исторический контекст и особенности богослужения применительно к каждой статье древнерусского текста. Это позволило решить вопрос о происхождении постановлений, отсутствующих в греческой версии синодальных правил. Исследование перевода греческих постановлений на древнерусский язык и их дополнений оригинальными русскими материалами показало, что постановления Константинопольского синода были переведены не ранее середины XIV в. В книге публикуются все известные греческие и древнерусские редакции правил Константинопольского синода.

Издание предназначено для историков, филологов и всех интересующихся каноническим правом, литургикой и историей Византии и России.

УДК 94(4)

ББК 63.3(0)4-9

Korogodina, Maria V. The Rules of the Synod of Constantinople in 1276 [Text] / Maria V. Korogodina; HSE University. — Moscow: HSE Publishing House, 2025. — 344 pp. — (Polystoria). — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-4117-3 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-4271-2 (e-book).

The book presents a study of the decrees of the Synod of Constantinople, held in 1276 at the request of Russian bishops. Russian Bishop Theognostus of Sarai asked the Synod to resolve issues that were relevant for Rus' during its most difficult period, at the height of the Mongol invasion. The book examines the background of the journey of Bishop Theognostus to Constantinople and the peculiarities of the perception of issues related to worship and church governance by Russian and Greek bishops during the period of the Union of Lyons. The book contains an analysis of the historical context and features of the liturgy in relation to each article of the Old Russian text of the Synodal decrees. This allowed the author to identify the origin of the articles missing from the Greek version of the text. The study of the translation of the Greek decrees into Old Russian and their supplementation with original Russian materials shows that the decrees of the Synod of Constantinople were translated no earlier than the middle of the 14th century. The book is accompanied by the publication of all known Greek and Old Russian versions of the text of the decrees of the Synod of Constantinople.

The publication is intended for historians, philologists, and all those interested in canon law, liturgy, and the history of Byzantium and Russia.

Научное издание

Серия
Polystoria

Мария Корогодина

**Правила Константинопольского синода
1276 года**

Зав. книжной редакцией *Елена Бережнова*
Редактор *Татьяна Коришунова*
Обложка: *Валерий Коришунов*
Верстка: *Светлана Родионова*
Корректор *Елена Андреева*

Дизайн серии: ABCdesign

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг
обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 15.04.2025. Формат 60×84/16
Гарнитура Linux Libertine. Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 17,1
Тираж 600 экз. Изд. № 2868

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14
Тел.: +7 (8422) 41-11-06, e-mail: info@uldp.ru